

Кирилл Маслинский

Взрослый язык детской литературы оттепели

Kirill Maslinsky

Adult Language in Children's Literature of the Thaw

Кирилл Маслинский (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, старший научный сотрудник) kmaslinsky@pushdom.ru.

Ключевые слова: соцреализм, детская литература, оттепель, стилометрия

УДК: 821.161.1

В рамках критической дискуссии об искренности в детской литературе 1953—1954 годов произошла резкая поляризация писательского сообщества, поводом для которой стал стиль литературного письма. В данной статье принят количественный стилистический анализ произведений участников этой дискуссии: сторонников оттепельной эстетической программы и их оппонентов, защищавших сложившиеся каноны соцреалистического письма для детей. Анализ распределения лексических, грамматических и синтаксических черт показал, что оттепельный стиль характеризуется менее частотным упоминанием эмоций, большим вниманием к негативным эмоциям, семантически более абстрактным и синтаксически более сложным языком.

Kirill Maslinsky (PhD; Senior Researcher, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences) kmaslinsky@pushdom.ru.

Keywords: socialist realism, children's literature, Khrushchev Thaw, stylometry

UDC: 821.161.1

In the framework of the 1953 critical discussion about honesty in children's literature from 1953—1954, a dramatic popularization of writers' communities occurred, the reason for which was the style of literary writing. In this article, a quantitative statistical analysis of the works by participants of this discussion is undertaken: supporters of the Thaw's aesthetic program and their opponents, who defended the existing canons of socialist realist writing for children. An analysis of the distribution of lexical, grammatical, and syntactical characteristics shows that the Thaw style is characterized by less frequent mentions of emotion and more attention toward negative emotions, and it is more semantically abstract and has more syntactically complex language.

Для советской литературы начало оттепели было моментом резкой публичной поляризации писательского сообщества, поводом для которой стал стиль литературного письма. Критическая дискуссия об искренности в литературе послужила публичной сценой, на которой авторы, работавшие в рамках соцреалистического стиля, встретили своих критиков. Одним из предметов для дискуссии стали тексты для детей и подростков, а центральным персонажем в этом поле выступила Лидия Чуковская, чья статья «О чувстве жизненной правды» (авторское название — «Гнилой зуб») была напечатана в «Литературной газете» в декабре 1953 года [Чуковская 1953]. Статья построена вокруг оппозиции «правда — ложь» и критикует «ханжеские» шаблонные приемы соцреалистической репрезентации, предлагая взамен установку на психологическую достоверность изображаемых характеров.

Как оказалось, критическое выступление Чуковской содержало в себе значительный поляризационный потенциал и спровоцировало как серию от-

ветных выступлений в печати и в Союзе писателей со стороны лагеря литературных конформистов, так и тактическую консолидацию детских писателей разных поколений и кругов общения, сочувствующих эстетической и политической программе Чуковской [Балина 2019: 165—176; Майофис 2017; Фатеев 2007: 195—211].

Начальная гипотеза, от которой я отталкиваюсь в этой статье, заключается в том, что эстетическая программа Чуковской не была исключительно утопической, но отражала уже сложившееся к тому моменту и в какой-то мере реализованное в детской литературе стилистическое противостояние¹. Сама Чуковская в качестве положительных примеров называет лишь писателей старшего поколения, чей авторитет сложился до войны, — Маяковского, Гайдара, Маршак, Житкова, — и этот выбор для нее мотивирован прежде всего политическими соображениями. Однако тексты, более релевантные для новой стилистической парадигмы, следует искать прежде всего среди актуальных современников, которых Чуковская скрывает за формулой «десятки произведений писателей младшего поколения». Тем не менее можно с большой долей уверенности предположить, что авторы, близкие к стилистическим установкам Чуковской, обнаружатся среди тех, кто оказался с ней на одной стороне в дискуссии 1953—1954 годов. Иными словами, произошедшая в этот момент консолидация нескольких детских писателей вокруг объявленной Чуковской эстетической программы психологически достоверного письма должна была иметь под собой и уже сложившиеся общие стилистические основания.

Ключ к ответу на вопрос о том, насколько консолидация детских писателей вокруг Чуковской была в то же время консолидацией стиля, может дать анализ общих черт языка этих писателей. Задача этой статьи — оценить, как категории «искренности» и «психологической достоверности» реализовались на уровне стиля литературного письма.

Как пишет Мария Майофис, суммируя эстетическую программу Чуковской, «неизбежной предпосылкой нового “договора” между писателем и читателем мыслилось кардинальное обновление литературного языка, своеобразное “очищение слова”» [Майофис 2017: 91]. Однако эта неизбежность оказывается в большей степени подразумеваемой, чем проговоренной критиками оттепельной эпохи. Если рассмотреть отсылки к языку в статье Чуковской и в близкой по установкам статье Александра Дроздова «О Петеньках и Феденьках» [Дроздов 1954], то обнаруживается совсем немного конкретных указаний. Оба критика ругают литературные штампы, но в остальном их комментарии касаются либо конкретных примеров, либо оперируют обобщаю-

1 В пользу этого предположения говорит несколько дополнительных соображений. Во-первых, борьба с «теорией бесконфликтности» в литературе, инициированная в 1952 году и продолжавшаяся в середине 1950-х [Вьюгин 2019: 68—79; Добренко 2011: 411; 2013], — при всей ее конъюнктурности и нелицеприятной политической подоплеке — все же создавала пространство для письма, в чем-то альтернативного большому стилю конца 1940-х. Во-вторых, известны примеры отдельных текстов, опубликованных в самый пик засилья теории бесконфликтности, которые по авторской позиции с полным основанием можно считать предвестниками оттепели: в первую очередь речь о повести Фриды Вигдоровой «Мой класс», начавшей выходить в журнальной версии в 1946-м и напечатанной отдельным изданием в 1949-м году (см.: [Майофис 2015]).

щими метафорами, такими как «неверная интонация» или «обесцвеченный язык», как у Дроздова: «Там же, где торжествует схематизм, язык нивелируется, обесцвечивается, и писатели сводят свою задачу к общедоступному построению грамматически правильных предложений. Всякая попытка расцветить такой язык приводит лишь к литературным штампам» [Там же]. Такие указания трудно обратить в инструмент стилистического анализа письма в целом.

Более инструментальным объектом критики, общим для Чуковской и Дроздова и напрямую увязанным с категорией «искренности», оказывается изображение эмоций. Критики фокусируются на несоответствии описанных эмоций персонажа и сюжетной ситуации, за счет чего разрушается правдоподобие образа и нарушается «логика чувств». Эта указанная Чуковской и Дроздовым общая черта критикуемого стиля подсказывает взять анализ изображаемых эмоций в качестве того стилистического ракурса, в котором должны проявиться систематические отличия новой оттепельной парадигмы письма от соцреалистических образцов.

Поскольку меня в этой статье интересуют не отдельные характеры и не изменение тематики произведений в целом, а более глубинные сдвиги в художественном дискурсе как таковом (способе письма), необходимо от анализа на уровне сюжетных ситуаций опуститься на языковой уровень. Чтобы судить о более обобщенных чертах стиля и охватить надындивидуальные тенденции, общие для каждого из двух стилистических лагерей, следует обратиться к достаточно низкоуровневым и абстрактным лингвистическим свойствам текста, относительно независимым от сюжета.

Методологический прием, позволяющий вычлнить отличительные черты стиля оттепельных текстов, — это контраст. Простое внимание к самым частотным языковым формам покажет прежде всего список общезыковых и общелитературных черт. Чтобы вычлнить среди них нечто специфическое для стиля, необходимо сопоставить частотность форм в интересующей нас группе текстов с частотностью тех же форм в другой, референтной группе. Сложившаяся в ходе критической дискуссии об искренности поляризация в среде детских писателей дает для этого метода самую благодатную почву. Приняв гипотезу, что это противостояние отражало группировку авторов, уже пишущих по-разному (насколько это позволяли цензурные рамки литературы для детей того периода), используем тексты двух групп авторов как контрастные по отношению друг к другу, чтобы обнаружить стилистические различия между ними.

Тексты для анализа

Для того чтобы сформировать два контрастных корпуса текстов для анализа стилистических различий в детской литературе оттепели, необходимо прежде всего очертить круг авторов и произведений, соотнесенных с каждой из сторон критической дискуссии об искренности. Участие в дискуссии и будет ключевым критерием отбора. Детские авторы оказались вовлечены в дискуссию в двух основных ролях — в качестве объекта критики и в роли публично выступающего в поддержку той или иной стороны. Для удобства произведения авторов, оказавшихся в фокусе критики, будем называть *соцреалистическими*

текстами, а произведения тех, кто оказался на стороне борцов за «жизненную правду» в литературе, — *оттепельными текстами*².

Чуковская и Дроздов в своих статьях обозначили круг авторов и произведений, которые в нашем анализе составят основу для группы соцреалистических текстов. Чуковская комментирует книгу Валентины Осеевой «Васёк Трубачев и его товарищи» (1947—1951) и два произведения только начинающего в тот момент литературную карьеру Анатолия Алексина — рассказ «Два подарка» (1952) и «Отряд шагает в ногу» (1952). Среди примеров литературных штампов она также упоминает произведения писателя Якова Тайца, не называя его произведений, кроме небольшого рассказа «Кешка-головешка». Александр Дроздов фокусируется на повестях трех авторов: «Беспокойный человек» Любви Воронковой (1953), «Первое имя» Иосифа Ликстанова (1954) и «Над Волгой» Марии Прилежаевой (1952).

Сложнее подобрать формальные критерии для включения авторов и произведений в список оттепельных текстов. Чуковская избегала называть положительные примеры, Дроздов и вовсе не ставил перед собой такой задачи. Остается полагаться на критерий выступления в поддержку критической программы Чуковской. По-видимому, в качестве ключевого текста здесь следует остановиться на повести «Пусть не сошлось с ответом!» Макса Бременера (1956). Бременер вступил в переписку с Чуковской после публикации ее статьи в «Литературной газете», признавался в полном сочувствии ее идеям и советовался относительно повести, которую Мария Майофис называет не менее как «манифестом» заявленной Чуковской эстетической программы [Майофис 2016].

В дальнейшем развитии дискуссии следует обратить внимание на три эпизода, в ходе которых происходила консолидация писателей в двух противостоящих лагерях. Во-первых, это подписанная Сергеем Михалковым, Николаем Томаном и Юрием Яковлевым статья «По поводу критики», напечатанная в «Литературной газете» 29 мая 1954 года в качестве ответа на критическое выступление Чуковской [Михалков, Томан, Яковлев 1954]. Из троих подписавших статью писателей к тому моменту только Томан публиковал прозаические тексты для детей. Его можно включить в список соцреалистических авторов, как выступившего в поддержку критикуемых писателей. Во-вторых, это дискуссия по статье Чуковской и Дроздова «Правда жизни и литературная ложь в книгах для детей» в детской секции Союза писателей 13—14 апреля 1954 года. В этой дискуссии на стороне «жизненной правды» выступил Иосиф Дик, а среди наиболее яростных оппонентов были Мария Прилежаева и Мария Белыхова [Майофис 2017: 99—100]. Наконец, 16 ноября 1956 года в Доме детской книги состоялось публичное обсуждение повести Бременера, на котором в ее поддержку из детских прозаиков высказывались Фрида Вигдорова, Александр Шаров и Любовь Кабо [Там же: 102—103].

Определив круг авторов для каждой из групп текстов, следует сформулировать критерии отбора произведений для анализа. Помимо текстов, ставших прямыми объектами критики, уместно расширить список схожими с ними в жанровом отношении произведениями. Это достаточно пространное про-

2 Эпитеты «соцреалистический» и «оттепельный» в данном случае условны, и их не следует понимать как строгую оппозицию, поскольку обе группы текстов принадлежат одной эпохе и во многом укладываются в общие каноны письма.

заические тексты (в основном повести, иногда сборники рассказов), адресованные младшим и старшим подросткам, что позволяет изображать достаточно сложную социальную проблематику и дает почву для «литературной лжи» и «жизненной правды». Представляется важным ограничить хронологические рамки для отбора послевоенным периодом с середины 1940-х годов до момента дискуссии или немногим позднее ее (до 1958 года), поскольку в дальнейшем авторы могли изменить своему стилю.

Таблица 1. Состав групп соцреалистических и оттепельных текстов, отобранных для анализа

Соцреалистические тексты		Оттепельные тексты	
Анатолий Алексин	«31 день» (1950)	Макс Бременер	«Пусть не сошлось с ответом!» (1956), «Случай со Степным» (1958)
Мария Белыхова	«Драгоценный груз» (1953)	Фрида Вигдорова	«Мой класс» (1949), «Дорога в жизнь» (1954)
Любовь Воронкова	«Село Городище» (1947), «Алтайская повесть» (1950), «Беспокойный человек» (1953), «Старшая сестра» (1955)	Иосиф Дик	«Огненный ручей» (1951), «В нашем классе» (1953)
Иосиф Ликстанов	«Мальшок» (1947), «Приключения юнги» (1947), «Зелен камень» (1949), «Первое имя» (1954)	Любовь Кабо	«В трудном походе» (1956)
Валентина Осеева	«Васек Трубачев и его товарищи» (1947–1951)		
Мария Прилежаева	«Семиклассницы» (1944), «Юность Маши Строговой» (1948), «С тобой товарищи» (1949)	Александр Шаров	«Севка, Савка и Ромка» (1955), «Маленькие становятся большими» (1957)
Яков Тайц	«Находка» (1948), «Родник» (1952)		
Николай Томан	«Что происходит в тишине» (1948), «Когда утихла буря» (1950)		

Две группы произведений, сформированные в результате отбора, как и следовало ожидать, не вполне симметричны в плане объема и содержания. В группу соцреалистических текстов вошли 8 авторов и 19 произведений общим объемом около 1,1 млн слов. В группу оттепельных текстов вошли 5 авторов и 9 произведений, всего чуть менее 500 тыс. слов (табл. 1). Средняя длина произведений в двух группах не различается. Соцреалистические тексты в целом относятся к несколько более раннему периоду (1944—1955), в то время как оттепельные охватывают период с 1949-го («Мой класс» Вигдоровой) по 1958-й. В группе соцреалистических текстов в половине произведений действие происходит в военное время, в трети центральное место в сюжете занимает труд на предприятиях или в колхозах, хотя и школьные сюжеты и коллизии обязательно присутствуют. В оттепельных текстах преобладают произведения, описывающие школьную повседневность детей, производство играет существенную роль в сюжете лишь отдельных текстов (например, «Огненный ручей» Иосифа Дика). Тем не менее сходство жанровой природы, адресации и важное место, которое во всех этих текстах занимают персонажи-дети, дают достаточное основание для стилистического сравнения двух групп.

Эмоциональный спектр

Статья Лидии Чуковской завершается формулой, описывающей миссию детской литературы: «искать собственные слова, — горячие, точные, иногда негодующие, — собственные, свои слова для собственных мыслей и чувств» [Чуковская 1953]. Эту формулу можно преобразовать как в рецепт для советских писателей, так и в гипотезу относительно эстетической парадигмы, к которой отсылает Чуковская. Во-первых, можно ожидать, что для авторов, писавших в рамках оттепельной парадигмы, было важно изображать эмоции персонажей и что эмоции в оттепельных текстах будут описываться чаще и более развернуто, чем в соцреалистических. Во-вторых, речь может идти о том, что оттепельные авторы буквально писали об эмоциях *другими словами*, которые по каким-то причинам воспринимались как более достоверно отражающие переживания. И наконец, оттепельные тексты могут отличаться от соцреалистических по спектру изображаемых эмоций.

Предположение о разнице в эмоциональных спектрах «ханжеской» и «искренней» детской литературы поддерживается Чуковской и Дроздовым. Эмоции, упомянутые среди примеров шаблонности и нарушенной логики чувств, включают «сусальную радость», преувеличенное волнение и наигранный испуг. Чуковская обвиняет писателей в том, что они покрывают действительность «розовой сахарной глазурью», а Дроздов указывает на замалчивание негативных переживаний, таких как боль и обида: «Героям повестей предписано самостоятельного характера не иметь, в несчастьях не страдать, не болеть, обид не терпеть, не баловаться, а ходить по лугам своей юности в гимнастическом строю, соблюдая установленную протяженность шага» [Дроздов 1954]. Этот выпад против избегания негативных эмоций укладывается в более широкую критическую риторику того периода о допустимом соотношении положительного и отрицательного в соцреализме, развернувшуюся в связи с кампанией по борьбе с «лакировкой действительности» в литературе [Вьюгин 2019: 77—78; Майофис 2016: 63]. Таким образом, можно уточнить гипотезу об эмоцио-

нальном спектре, предположив, что в оттепельных текстах негативные переживания, такие как огорчение, обида, боль, будут описываться чаще.

Ясно, что определение эмоций в литературных текстах — задача далеко не тривиальная. Однако существует простой подход к этой проблеме, который показал свою эффективность и достаточную точность, — лексический³. Метод сводится к простому подсчету слов, прямо или косвенно отсылающих к конкретной эмоции. Такой подход легко автоматизировать, что не только позволяет увеличить объем материала, но и дает возможность взглянуть на тексты в более обобщенной и универсальной стилистической перспективе, — что называется с позиций «дальнего чтения» [Собчук, Шеля 2013: 9].

Если вдуматься, этот простой подход хорошо обоснован — для того чтобы эмоция могла быть идентифицирована читателем, она должна быть названа. Конечно, нельзя отрицать, что в литературном тексте эмоциональные состояния могут быть описаны с помощью самых разных средств, метонимических и метафорических. Эмоции в литературе изображаются с помощью мимики, позы, жеста и разнообразных телесных ощущений персонажа [Kim, Klingler 2019; Van Meel 1995].

Костя склонился к станку, в носу у него защипало. — Вот какие наши люди! — проговорил Сергей Степанович, точно беседовал с собой. — Лишился ты единственного брата. Большое это горе... Другой, может быть, руки опустил бы, а ты все лучше работаешь. Понимаешь, это значит, что твой труд — это борьба, что ты врагу мстишь и за брата и за все! — Понимаю, — шепнул Костя непослушными, дрожащими губами.

Главный герой повести Ликстанова «Малышок» в этом эпизоде так и не заплакал, хотя у него защипало в носу и задрожали губы — последнее особенно конвенциональный для эпохи способ изображения эмоционального переживания. Однако даже если здесь нет однозначного лексического сигнала, позволяющего автоматически учесть этот эпизод как пример изображения плача, переживания Кости в этом отрывке вполне эксплицитно категоризованы в реплике другого персонажа как *горе*. Мне представляется, что только в случае подобного прямого называния можно говорить о присутствии в тексте специфической эмоциональной категории. Иными словами, лексический подсчет позволит достаточно надежно проследить степень акцентированности эмоциональных категорий.

Осталось составить список эмоциональных категорий и слов для подсчета. Чуковская и Дроздов в своих статьях упоминают радость, грусть, волнение, страх. Этот набор категорий хорошо укладывается в список так называемых базовых эмоций [Plutchik 2001], так что есть смысл расширить его другими эмоциями, которые обычно относят к базовым, включив гнев и отвращение. Из эмоционально нагруженных телесных состояний критики упоминают слезы, смех, улыбки, боль; из более социально направленных эмоций — только обиду и ненависть. Исследования по истории эмоций подсказывают добавить к ним стыд и вину [Вина и позор... 2011; Nash, Kilday 2010].

3 Авторы обзора о применении вычислительных методов для анализа эмоций в литературных текстах [Kim, Klingler 2018] указывают, что не менее 70% рассмотренных ими работ так или иначе опираются на лексический подход при определении эмоций.

Лексические списки для подсчета по каждой из эмоциональных категорий были сформированы из слов, семантически близких к названию эмоции (квазисинонимов). Эти списки получены с помощью статистической дистрибутивной модели, построенной по корпусу произведений советской детской литературы 1930—1960-х⁴. В списки включались только слова, наиболее однозначно отсылающие к контексту данной эмоции, исключались полисемичные слова и все слова, которые могут встречаться в других контекстах. Так, в список «радость» вошли, например, *радоваться, радостный, восторг, веселие, ликование*; были исключены *торжество, чувство, облегчение* и другие.

В отгепельных текстах доля слов из построенного таким способом эмоционального лексикона оказалась ниже (8,85 слов на тысячу), чем в соцреалистических текстах (10,6 слов на тысячу). Это означает, что в произведениях сторонников эстетической программы Чуковской в повести среднего размера (около 50 тысяч слов) встречается на 90 эмоциональных слов *меньше*. Чтобы адекватно оценить масштаб этого различия, имеет смысл сопоставить его с различием в доле эмоциональных слов между произведениями авторов — мужчин и женщин в нашей выборке. Оказывается, в произведениях женщин средняя доля эмоциональных слов выше (11,3 слов/тыс. против 8,2 у мужчин), разница составляет 3 слова на тысячу или 150 слов на повесть средней длины. На этом фоне разница в доле эмоциональных слов между соцреалистическими и отгепельными текстами менее выражена и выглядит менее надежно при статистической проверке⁵ — индивидуальный разброс между произведениями по доле эмоциональных слов достаточно велик.

-
- 4 Для поиска семантически близких слов было построено векторное представление низкой размерности (word embeddings) для корпуса из 500 произведений советской детской литературы реалистического жанра 1930—1980-х. Выборка произведений основана на Корпусе русской прозы для детей и юношества XX—XXI вв.: <http://detcorpus.ru>. Векторное представление было построено с помощью сингулярного разложения (SVD) матрицы взаимной информации между словами (PMI), этот подход дает хорошие результаты для относительно небольших корпусов текстов [Hamilton et al. 2016]. Для построения лексикона по каждой эмоциональной категории выбирались несколько ключевых слов разных частей речи, например *страх, бояться, страшный, страшно*. Далее из списка из 250 ближайших соседей к комбинированному вектору из ключевых слов категории отбирались только слова, наиболее однозначно отсылающие к названной эмоции.
  - 5 Регрессионное моделирование показывает, что при учете пола автора принадлежность текста к соцреалистической или отгепельной группе объясняет всего около 5% дисперсии в значении доли эмоциональных слов в произведении (притом что пол автора объясняет порядка 25% дисперсии). При этом модель не позволяет исключить версию, что различие между группами возникло просто случайно (различие между группами 1,7 слов/тыс., стандартная ошибка 0,87, p-value = 0,06). Впрочем, если рассмотреть разброс значений по авторам, обнаруживается, что некоторые авторы соцреалистических текстов употребляют заметно меньше эмоциональных слов — среди них оказываются Белыхова и Томан, которые не были в фокусе критики, но были включены в выборку как высказавшиеся в поддержку критикуемых авторов. Если считать это основание слишком слабым для отнесения их произведений к той же критикуемой парадигме и исключить их из выборки, различие между группами становится более явным и надежным. В этом случае принадлежность к соцреалистической или отгепельной группе объясняет уже порядка 10% дисперсии в значениях доли эмоциональных слов в произведении (различие между группами — 2,3 слов/тыс., стандартная ошибка 0,76, p-value = 0,007).

Итак, первоначальное предположение о том, что в оттепельных текстах будут чаще упоминаться эмоции, не подтверждается нашими данными. Напротив, по сравнению с соцреалистическими текстами в оттепельных эмоции упоминаются не только не чаще, но даже, вероятно, несколько реже.

Обратимся теперь к проверке гипотезы об изменении эмоционального спектра. Статистический тест подтверждает несколько неслучайных отличий между группами по частоте упоминания отдельных эмоций⁶. *Плач* чаще упоминается в соцреалистических текстах и реже — в оттепельных. Кроме того, в оттепельных текстах несколько реже встречаются *радость* и *улыбки* и немного чаще — *вина*, *отвращение* и *ненависть*. Эти различия не слишком велики, но они хорошо укладываются в логику критиков — Чуковская и Дроздов писали о необходимости показывать негативные стороны жизни. В эмоциональном спектре произведений сочувствующих им писателей это действительно проявляется даже при таком приближенном способе количественного измерения. В итоге гипотеза об изменении эмоционального спектра, прежде всего в части негативных эмоций, находит подтверждение в материале даже с учетом гендерных различий между авторами по частотности изображения отдельных эмоций.

Наконец, осталось проверить предположение о качественном различии между двумя группами в выборе слов для описания эмоций. Отличия здесь можно обнаружить, оценив соотношение частотности отдельных лексем из списка эмоциональных слов в текстах двух групп авторов. Заметнее всего различие в способе номинации эмоции проступает в категории «гнев»: в оттепельных текстах слово *злость* встречается в 8,5 раз чаще⁷, однокоренные к нему слова (*злой*, *злбный*) тоже более характерны для этого полюса. Напротив, для соцреалистических текстов наиболее характерны все производные от *сердитый* (*сердито*, *рассердиться*, *сердится*) — все они встречаются в 2–4 раза чаще, чем в другой группе. Эти лексические предпочтения можно соотнести с заявленной в эстетической программе Чуковской установкой на аутентичность эмоций: *злость* не только более негативно окрашенное слово, но и лексема, подразумевающая непосредственное переживание эмоции, в отличие от *сердитый*, которое скорее предполагает оценку эмоции с точки зрения внешнего наблюдателя. Ср.: «Лицо его потемнело, глаза *сердито* блеснули» (Ликстанов, «Малышок»); «Он в упор, со *злостью* посмотрел на меня, и в этом взгляде я прочла: “Нажаловалась? Рада?”» (Вигдорова, «Мой класс»).

В некоторых лексических предпочтениях оттепельных авторов считывается отсылка к дискурсу интеллигенции. Так, при описании стыда они чаще употребляют *неловкость* и *совестно* на фоне авторов соцреалистической группы, для которых характерны *стыдиться*, *стыд* и *позорить*. Похожим об-

6 Для статистической проверки различий между распределениями эмоциональных слов по категориям в соцреалистических и оттепельных текстах использовался тест хи-квадрат и анализ пирсоновских остатков для оценки направления и размера различий по конкретным эмоциям. В качестве существенных различий рассматриваются те эмоции, величина пирсоновских остатков для которых превышает 2,0 (по модулю). Для всех рассмотренных эмоциональных категорий величина пирсоновских остатков не превышает 3,9 (по модулю).

7 Различия оценены с помощью логарифма отношения шансов с поправкой на частотность с помощью R-пакета *tidylo* [Schnoebelen, Silge 2019].

разом предпочтения складываются в категории «отвращение», где с оттепельными текстами ассоциированы *презрение, брезгливый, мерзость*, а с соцреалистическими — *фу, противный, гадость*. В категории «вина»: *наказание, извинять, извиняться* в оттепельных текстах и *обвинять, вина, сознаваться* в соцреалистических.

Таким образом, в части гипотезы о существовании более «аутентичной» лексики для выражения эмоций в текстах авторов, сочувствующих эстетической программе Чуковской, наши данные не дают оснований для широких обобщений. Отдельные наблюдения, как кажется, согласуются с эстетическими установками и «социальным профилем» авторов оттепельных текстов, но в то же время очевидно, что масштабного обновления эмоциональной лексики в оттепельных текстах не произошло.

Стилистический профиль

Умеренный масштаб различий в эмоциональном спектре подталкивает к дальнейшим поискам стилистического водораздела между двумя литературными лагерями. Измениться мог контекст упоминания эмоций. Критики оттепельной эпохи сами указали это направление поиска, высмеивая несообразность эмоций персонажей и сюжетных ситуаций. Чтобы охарактеризовать содержание контекстов в терминах, независимых от тематики и сюжета отдельных произведений, необходимо опираться на достаточно широкие семантические категории. Для этого удобно ограничить анализ только существительными и использовать словарь проекта «Картаслов»⁸, предлагающий категоризацию существительных на 12 групп: абстрактные, имена действий, имена лиц, части тела, предметные имена, вещества и т. д.

Результаты сравнения между двумя группами произведений обнаружили неожиданный контраст: в оттепельных текстах существенно больше абстрактных существительных (включая имена действий) и существенно меньше конкретных существительных всех классов, чем в соцреалистических текстах. Это верно как для эпизодов, где упоминаются эмоции (если судить по ближайшим существительным в контексте этих упоминаний), так и для текстов в целом. Величина различий значительна: в текстах сторонников программы Чуковской частотность абстрактных существительных выше на 72 слова на тысячу, что на 35% больше по сравнению с их литературными оппонентами (табл. 2).

---

8 Категоризация существительных выполнена с опорой на облегченную версию датасета «Открытая семантика русского языка», разработанного в рамках проекта «Картаслов» (https://github.com/dkulagin/kartaslov/tree/master/dataset/open_semantics). Датасет распространяется на условиях лицензии CC BY-NC-SA 4.0.

Таблица 2. Соотношение частотности семантических классов существительных в соцреалистических и оттепельных текстах

Семантический класс	Частотность в соцреалистических текстах (слов/тыс.)	Частотность в оттепельных текстах (слов/тыс.)	Разность (%)
Абстрактные	208,4	280,8	34,7
Действия (абстр.)	115,7	139,8	20,8
Животные	18,2	16,1	-11,6
Пища	13,9	10,2	-26,6
Сооружения	32,0	26,8	-16,0
Растения	17,3	9,7	-44,0
Транспорт	18,7	10,9	-41,7
Вещества	29,0	21,0	-27,3
Части тела	75,5	67,6	-10,6
Предметы	107,3	99,0	-7,8
Имена лиц	197,4	178,3	-9,6
Места	125,2	96,9	-22,6
Не определен	41,4	42,9	3,4

Представленные выше цифры отражают усредненный тренд по двум группам. Но индивидуальный разброс между авторами и отдельными произведениями по доле абстрактных существительных довольно велик. Так, самым абстрактно пишущим автором оказывается Макс Бремер (50—52% абстрактных из всех существительных), за ним следуют произведения педагогической тематики Вигдоровой и Кабо (42—48%). Все они относятся к группе оттепельных текстов. Тематика произведения, вероятно, существенно влияет на долю абстрактных существительных, например среди оттепельных текстов эта доля ниже всего в повести Иосифа Дика «Огненный ручей» (24%), посвященной сталелитейному производству, которая находится на одном уровне с «Алтайской повестью» Любови Воронковой из группы соцреалистических текстов. Воронкова оказывается среди самых предметно пишущих авторов (18—31% абстрактных существительных). Выше всего доля абстрактных существительных в соцреалистической группе у Прилежаевой и Томана (40—45%). Тем не менее различие между группами по доле абстрактных существительных выглядит статистически надежным⁹. Повышенная доля абстрактных существительных вряд ли объясняется вниманием к каким-то новым абстрактным категориям со стороны оттепельных авторов — списки самых частотных абстрактных существительных в обеих группах практически совпадают.

Одним из нетривиальных следствий этого количественного тренда для нарративной прозы оказывается сниженное количество наименований лиц (класс конкретных существительных) в оттепельных текстах. Можно предположить, что это уменьшение должно компенсироваться ростом каких-то дру-

9 По результатам регрессионного моделирования величина различия — 98 слов/тыс. (стандартная ошибка 31), p-value — 0,0037. Принадлежность к той или иной группе авторов объясняет 25% дисперсии в доле абстрактных существительных.

гих способов указания на персонажей, реализующим нарративные потребности. В частности, возможен компенсирующий рост доли имен собственных. Эту последнюю гипотезу легко проверить, сравнив профили распределения частей речи по двум группам в нашей выборке¹⁰. Однако гипотеза не подтверждается: в оттепельных текстах доля имен собственных тоже понижена, но при этом заметно повышена доля личных местоимений. Это соотношение сохраняется, даже если исключить написанные от первого лица произведения Вигдоровой. Выходит, общей стилистической чертой текстов новой эстетической парадигмы стал частичный отказ от именованной персонажей общими терминами (бабушка, отец, учитель, мастер) в пользу личных местоимений.

Сравнение частеречных профилей двух групп текстов вскрывает и другие очень показательные различия, которые, как кажется, складываются в единую картину. В частности, в соцреалистических текстах больше существительных, глаголов и знаков пунктуации — свидетельство преобладания более коротких и синтаксически простых предложений. О более сложном и разнообразном синтаксисе оттепельных текстов говорит повышенная доля союзов, предлогов, наречий. Частной, но характерной деталью стиля соцреалистических произведений оказывается повышенная частотность междометий (*эх, ой, ах, ох, эй, ура* и т.п.).

Гипотеза о более сложном синтаксисе в оттепельных текстах находит и более прямые подтверждения в данных, полученных с помощью автоматического синтаксического анализа¹¹. Средняя длина предложений в этой группе выше почти на три слова (12,9 против 11,1 в соцреалистических). Помимо такого формального показателя, как длина предложений, в оттепельных текстах чаще встречаются синтаксические отношения, осложняющие и распространяющие базовую предикативную структуру: косвенные дополнения, разного рода вложенные предикаты (придаточные предложения), определительные придаточные, однородные члены, соединенные союзами. На фоне этой группы текстов соцреалистические произведения демонстрируют более высокую долю подлежащих, сказуемых и прямых дополнений, из осложняющих же конструкций для них более характерны только приложения.

Подводя итоги наблюдений этого раздела, можно утверждать, что сторонники эстетической программы Чуковской писали свои произведения для детей в семантическом отношении более абстрактным и в синтаксическом отношении более сложным языком, по сравнению с простым языком произведений раскритикованных Чуковской писателей. Эти свойства стиля системно проявляются в спектре грамматических и синтаксических категорий в их текстах.

На чьей вы стороне, товарищ Кассиль?

Характерные грамматические и семантические профили текстов позволяют использовать формальные стилометрические инструменты для измерения

10 Для сравнения частеречных профилей все тексты были лемматизированы с помощью утилиты «mystem». Грамматическая омонимия на уровне частей речи была снята автоматически средствами «mystem».

11 Синтаксический анализ выполнен с помощью «UDPipe» [Straka, Hajic, Straková 2016], модель SynTagRus, версия 2.5.

близости любого произведения к одному из двух групповых профилей. Это открывает возможности для более широкого анализа литературного ландшафта этого периода, в частности дает способ определения стилистической аффилиации писателей, не занявших однозначной позиции в критической дискуссии о жизненной правде и литературной лжи. Одной из интересных в этом отношении фигур выступает Лев Кассиль, на тот момент председатель бюро детской секции Союза писателей. Кассиль был организатором и участником дискуссии в Союзе писателей, но высказывался соответственно должности осторожно.

Для измерения близости текстов Кассиля к каждой из двух стилистических групп воспользуемся уже зарекомендовавшим себя в историко-литературных исследованиях методом: построим статистическую модель для решения задачи классификации — отнесения текста к одной из двух стилистических групп на основании частотного профиля текстовых единиц (слов, граммем и т.п.). В качестве модели будем использовать логистическую регрессию с регуляризацией¹², а в роли признаков привлечем установленные выше семантические и грамматические характеристики, различающие две группы: частотность частей речи, лексики, отнесенной к эмоциональным категориям, и семантических классов существительных.

Особенность классификатора с регуляризацией заключается в том, что при построении модели автоматически отбираются всего несколько признаков, наиболее информативных для различения двух групп текстов. Только их и учитывает классификатор при отнесении произведения, чья стилистическая принадлежность заранее неизвестна, к той или иной группе. Это позволяет модели достичь нужного уровня обобщения и не реагировать на частности, которые могут быть случайной флуктуацией или признаком идиостиля отдельного автора или произведения.

Самый минималистический классификатор, верно относящий фрагменты текста к оттепельным или соцреалистическим в 88% случаев, опирается всего на 9 признаков. Принадлежность текста к группе оттепельных он может определить по более низкой доле глаголов, имен лиц и имен собственных, эмоциональных слов и локативов; более высокой доле наречий, предлогов, личных местоимений и абстрактных существительных. Самый точный классификатор (точность 92%) учитывает в дополнение к ним еще 8 признаков: пониженную долю лексики в категориях «грусть» и «улыбка», повышенную — в категориях «ненависть» и «отвращение»; повышенную долю союзов и числительных и пониженную — существительных и междометий.

Для анализа были взяты три произведения Кассиля, подходящие по периоду, объему и жанру. Небольшой рассказ «Огнеопасный груз» (1946), несмотря на то что написан в сказовом регистре от лица малограмотного железнодорожника, доставляющего груз учебников в освобожденные районы во время войны, классифицируется как принадлежащий к оттепельному стилю (с вероятностью 81—94%)¹³. Как оказалось, кажущаяся простота речи повествователя скрывает

12 Этот подход для сходных стилеметрических задач широко использует, например, Тед Андервуд в своей книге [Underwood 2019]. В данном исследовании применяется регуляризация LASSO.

13 Здесь и далее значения вероятностей отражают усредненную меру уверенности классификатора по всем 5000-словным фрагментам текста. Диапазон составляют вероятности, предсказанные минимальной моделью (меньшее значение) и оптимальной моделью.

в себе черты более сложного грамматического спектра оттепельных текстов. Лишь в финальных сценах, где учительница растроганно прижимает к груди привезенный учебник, а притихшие школьники дослушивают мораль в рассказе железнодорожника, сходство с оттепельным стилистическим профилем значительно падает. Повесть Кассиля и Поляновского «Улица младшего сына» (1949), представляющая собой жизнеописание пионера-героя Володи Дубинина, классифицируется уже как вещь, существенно более близкая по языку к соцреалистическому лагерю (вероятность принадлежности к оттепельному стилю всего 41–48%). Трудно сказать, объясняется ли этот результат соавторством или конъюнктурностью темы и тянущейся за ней конъюнктурностью языка. Наконец, повесть «Ранний рассвет» (1954), сюжет которой — в творческих и личных исканиях подростка-художника из арбатского двора, завершающийся его случайной гибелью, — почти полностью уверенно классифицируется как относящаяся к оттепельному стилю (с вероятностью 79–90%).

Стилистические классы, автоматически приписанные текстам Кассиля с помощью классификатора, сходятся с оценками, расставленными тем же произведением Борисом Полевым в докладе на Втором съезде советских писателей в 1954 году, только с обратным знаком: Полевой ругает «Ранний восход» и хвалит «Улицу младшего сына», хотя критерием выступала вовсе не стилистика письма, а степень типичности персонажа [Балина 2019: 182]. Не менее замечательно стилистические предсказания классификатора соотносятся с еще одним моментом дискуссии о «жизненной правде» в детской литературе. В ходе критической кампании, направленной против повести Бреженера «Пусть не сошлось с ответом», в январе 1957-го директор Дома детской книги в своем выступлении противопоставила повесть Бреженера вышедшей в том же году повести Николая Дубова «Сирота», тоже по-своему полной критического пафоса по отношению к плохим воспитателям. Повесть Дубова она хвалила за оптимизм и веру в людей, ругая Бреженера за сгущение темных красок (см.: [Фатеев 2007: 210]). Классификатор, не колеблясь, отнес повесть Дубова к соцреалистическому стилю (вероятность оттепельного стиля только 6–7%). Приходится признать, что опирающийся всего на несколько формально-грамматических признаков классификатор проявляет тонкое политическое чутье, относя произведения, одобренные сторонниками литературной конъюнктуры, к соцреалистическому стилю.

Заключение. О простоте и сложности в языке детской литературы

Анализируя оттепельную дискуссию о детской литературе, Мария Майофис подчеркивает, что объединившиеся в спорах о правде и лжи в литературе авторы принадлежали к разным поколениям и кругам общения [Майофис 2016: 64; 2017: 91]. С помощью стилометрического анализа удалось показать, что за этим объединением стояла не только общность позиции, но и определенное стилистическое родство в характере литературного письма, сформировавшееся уже к середине 1950-х. Среди черт нового оттепельного стиля находятся те, что связаны с изменением эмоционального спектра, — в оттепельных текстах чаще изображались негативные и социально ориентированные эмоции (вина, отвращение, ненависть), хотя в то же время персонажи этих текстов стали мень-

ше плакать; реже называют эмоции в тексте, а в эпизодах, где эмоции названы, реже упоминаются части тела и имена лиц. Но самое крупное и статистически достоверное отличие состоит в том, что язык писателей, разделяющих ценности оттепельной эстетической парадигмы, оказывается более абстрактным и синтаксически сложным.

В сравнительной перспективе эволюция современной литературы скорее характеризуется повышением конкретности языка. Так, на материале английской литературы было обнаружено, что с конца XVIII-го и на протяжении XIX-го века в романах неуклонно падала доля слов, выражающих абстрактные ценности, и росла доля конкретных существительных, в частности наименований частей тела [Heuser, Le-Khas 2012]. Этот процесс совпал с периодом становления классического реалистического романа. Поэтому свойственное оттепельному стилю падение доли конкретных существительных и рост доли абстрактных можно даже считать стилистическим регрессом по сравнению с эпохой «большого стиля» в детской литературе 1940-х. В этом смысле детская литература оттепели выглядит шагом в сторону от реализма, и не только социалистического.

Впрочем, возможна и альтернативная интерпретация, состоящая в том, что не оттепельный стиль был слишком абстрактным и синтаксически сложным, а, наоборот, соцреалистический стиль детской литературы 1940-х был чересчур конкретным и упрощенным в отношении синтаксиса. При такой интерпретации большая синтаксическая сложность и абстрактность оттепельного стиля — всего лишь возвращение к некоторому среднему для литературы уровню.

С момента формирования критики детской литературы в России в середине XIX века педагоги призывали авторов писать для детей просто. Как мы убедились, к середине XX века в детской литературе эпохи соцреализма язык оказался как раз относительно упрощенным — в некотором смысле более детским. Простота языка как установка стиля литературного письма для детей в 1940-х могла войти в резонанс с соцреалистической установкой на простоту языка. В этом контексте соцреалистическая детская литература оказывается образцом простоты в квадрате.

Лидия Чуковская в своей спровоцировавшей дискуссию статье призывала к психологической достоверности письма. Надо полагать, что этот призыв был в какой-то мере реализован на содержательном уровне в текстах произведений ее сторонников. Однако в стилистическом отношении авторы из ее лагеря предлагали подросткам в первую очередь тексты, написанные более сложным и абстрактным языком. На фоне достигнутой в эпоху конца 1940-х образцовой простоты письма для детей секрет детской литературы оттепели, как оказалось, в ее недетскости — в отказе авторов говорить с детьми на специальном литературном baby-talk и настойчивом стремлении говорить своим собственным, сложным взрослым языком интеллектуальной интеллигенции.

Библиография / References

- [Балина 2019] — *Балина М.Р.* Детская литература на Втором Всесоюзном съезде советских писателей // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. 1954 / Под ред. В.Ю. Вьюгина, К.А. Богданова. СПб.: Алтейя, 2019. С. 167—194.
- (*Balina M.R.* Detskaya literatura na Vtorom Vsesoyuznom s"ezde sovetskikh pisateley // Vtoroy Vsesoyuznyy s"ezd sovetskikh pisateley. Ideologiya istoricheskogo perekhoda i transformatsiya sovetskoy literatury. 1954 / Ed. by V.Yu. V'yugin, K.A. Bogdanov. Saint Petersburg, 2019. P. 167—194.)
- [Вина и позор... 2011] — Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI—XX вв.): Сборник статей / Под ред. И.Г. Муравьевой. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011.
- (*Vina i pozor v kontekste stanovleniya sovremennykh evropeyskikh gosudarstv (XVI—XX vv.): Sbornik statey / Ed. by I.G. Murav'eva. Saint Petersburg, 2011.*)
- [Вьюгин 2019] — *Вьюгин В.Ю.* «Поболтаем и разоидемя» (Введение во Второй Всесоюзный съезд советских писателей) // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. 1954 / Под ред. В.Ю. Вьюгина, К.А. Богданова. СПб.: Алтейя, 2019. С. 14—109.
- (*V'yugin V.Yu.* "Poboltaem i razoydemya" (Vvedenie vo Vtoroy Vsesoyuznyy s"ezd sovetskikh pisateley) // Vtoroy Vsesoyuznyy s"ezd sovetskikh pisateley. Ideologiya istoricheskogo perekhoda i transformatsiya sovetskoy literatury. 1954 / Ed. by V.Yu. V'yugin, K.A. Bogdanov. Saint Petersburg, 2019. P. 14—109.)
- [Добренко 2011] — *Добренко Е.* Литературная критика и институт литературы эпохи войны и позднего сталинизма. 1941—1953 // История русской литературной критики. Советская и постсоветская эпоха / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 368—416.
- (*Dobrenko E.* Literaturnaya kritika i institut literatury epokhi voyny i pozdnego stalinizma. 1941—1953 // Istoriya russkoy literaturnoy kritiki. Sovetskaya i postsovetskaya epokha / Ed. by E. Dobrenko, G. Tikhonov. Moscow, 2011. P. 368—416.)
- [Добренко 2013] — *Добренко Е.* Гоголи и Щедрины: уроки «положительной сатиры» // Новое литературное обозрение. 2013. № 3. С. 163—191.
- (*Dobrenko E.* Gogoli i Shchedriny: uroki "polozhitel'noy satiry" // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 3. P. 163—191.)
- [Дроздов 1954] — *Дроздов А.* О Петеньках и Феденьках // Литературная газета. 1954. 30 марта.
- (*Drozдов A.* O Peten'kakh i Feden'kakh // Literaturnaya gazeta. 1954. March 30.)
- [Майофис 2015] — *Майофис М.Л.* Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени // Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е) / Под ред. И. Кукулина, М. Майофис, П. Сафронова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 35—106.
- (*Majofis M.L.* Predvestiya "ottepeli" v sovetskoy shkol'noy politike pozdnestalinskogo vremeni // Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoy shkoly (1940—1980-e) / Ed. by I. Kukulin, M. Majofis, P. Safronov. Moscow, 2015. P. 35—106.)
- [Майофис 2016] — *Майофис М.Л.* Повесть М. Бременера «Пусть не сошлось с ответом!» (1956) и программа обновления педагогики и литературы в советском обществе начала «оттепели» // Детские чтения. 2016. № 2 (10). С. 53—69.
- (*Majofis M.L.* Povest' M. Bremenera "Pust' ne shshlos' s otvetom!" (1956) i programma obnoveniya pedagogiki i literatury v sovetskom obshchestve nachala "ottepeli" // Detskie chteniya. 2016. № 2 (10). P. 53—69.)
- [Майофис 2017] — *Майофис М.Л.* Общество по борьбе с ханжеством: Об одной незамеченной тенденции в литературе 1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2017. № 1. С. 91—108.
- (*Majofis M.L.* Obschestvo po bor'be s khanzhestvom: Ob odnoy nezamechennoy tendentsii v literature 1950-kh godov // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. № 1. P. 91—108.)
- [Михалков, Томан, Яковлев 1954] — *Михалков С., Томан Н., Яковлев Ю.* По поводу критики // Литературная газета. 1954. 29 мая.
- (*Mikhalkov S., Toman N., Yakovlev Yu.* Po povodu kritiki // Literaturnaya gazeta. 1954. May 29.)
- [Собчук, Шеля 2013] — *Собчук О., Шеля А.* От переводчиков // Дальнее чтение.

- М.: Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, 2013. С. 7—11.
 (Sobchuk O., Shelja A. Ot perevodchikov // Dal'nee chtenie. Moscow, 2013. P. 7—11.)
- [Фатеев 2007] — Фатеев А.В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР (1930-е — 1950-е гг.). М.: Макс-Пресс, 2007.
 (Fateev A.V. Stalinizm i detskaya literatura v politike nomenklatury SSSR (1930—1950s). Moscow, 2007.)
- [Чуковская 1953] — Чуковская Л. О чувстве жизненной правды // Литературная газета. 1953. 24 декабря.
 (Chukovskaya L. O chuvstve zhiznennoy pravdy // Literaturnaya gazeta. 1953. December 24.)
- [Hamilton et al. 2016] — Hamilton W.L. et al. Inducing Domain-Specific Sentiment Lexicons From Unlabeled Corpora // Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, 2016. P. 595—605.
- [Heuser, Le-Khac 2012] — Heuser R., Le-Khac L. A Quantitative Literary History of 2,958 Nineteenth-Century British Novels: The Semantic Cohort Method // Pamphlets of the Stanford Literary Lab, 2012.
- [Kim, Klinger 2018] — Kim E., Klinger R. A Survey on Sentiment and Emotion Analysis for Computational Literary Studies // arXiv preprint arXiv:1808.03137, 2018.
- [Kim, Klinger 2019] — Kim E., Klinger R. An Analysis of Emotion Communication Channels in Fan-Fiction: Towards Emotional Storytelling // Proceedings of the Second Workshop on Storytelling. Florence, Italy: Association for Computational Linguistics, 2019. P. 56—64.
- [Nash, Kilday 2010] — Nash D., Kilday A.-M. Cultures of Shame: Exploring Crime and Morality in Britain 1600—1900. London: Palgrave Macmillan, 2010.
- [Plutchik 2001] — Plutchik R. The Nature of Emotions: Human Emotions Have Deep Evolutionary Roots, a Fact that May Explain their Complexity and Provide Tools for Clinical Practice // American Scientist. 2001. Vol. 89. № 4. P. 344—350.
- [Schnoebelen, Silge 2019] — Schnoebelen T., Silge J. R Package tidylo: Tidy Log Odds Ratio Weighted by Uninformative Prior, 2019 (<https://CRAN.R-project.org/package=tidylo>).
- [Straka, Hajic, Straková 2016] — Straka M., Hajic J., Straková J. UDPipe: Trainable Pipeline for Processing CoNLL-U Files Performing Tokenization, Morphological Analysis, Pos Tagging and Parsing // Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'16), 2016. P. 4290—4297.
- [Underwood 2019] — Underwood T. Distant Horizons: Digital Evidence and Literary Change. Chicago: University of Chicago Press, 2019.
- [Van Meel 1995] — Van Meel J.M. Representing Emotions in Literature and Paintings: a Comparative Analysis // Poetics. 1995. Vol. 23. № 1—2. P. 159—176.